

ИЗЪ ЭПОХИ 1812 ГОДА

(Отрывки архивныхъ сказаній).

I. Народное настроеніе въ провинціи.

Война нынѣшняя и война, бывшая сто лѣтъ назадъ, имѣють большое между собою сходство, какъ по мотивамъ борьбы, такъ и по взрыву народнаго энтузіазма. Въ виду этого, намъ кажется, нелишнимъ будетъ въ настоящій моментъ припомнить на страницахъ историческаго изданія нѣкоторыя малоизвѣстныя событія этого прошлаго.

Тяжелымъ бременемъ, оразилась Отечественная война на всѣхъ сословіяхъ русскаго Государства. Отъ нея страдали не только ближайшія къ театру непріятельскихъ дѣйствій области, но и отдаленныя провинціи Россіи. Помимо часто повторявшихся рекрутскихъ наборовъ, населеніе было обременено и денежными налогами, а также сборами провіанта и фуража для пополненія недостатковъ арміи. И все таки, несмотря на это, безропотно въ тягостную годину ниспосланныхъ свыше испытаній несли трудовые гроши на алтарь отечественной нужды всѣ племена, населявшія Русскую Имперію.

Когда по Высочайшему повелѣнію 12 Марта 1812 года былъ открытъ повсемѣстный сборъ пожертвованій для борьбы съ Наполеономъ, то даже въ отдаленной Астраханской губерніи, рядомъ съ Русскими поселенцами, откликнулись на зовъ Царя и инородцы иноземнаго подданства. Дворяне астраханскіе дали 21,335 руб., купцы Русскіе 17,895 р., и особо извѣстный поволжскій благотворитель А. П. Сапожниковъ 15 т. р.; армяне собрали 22,380 руб., татары: юртовскіе 3150 руб. и кундуrowsкіе 7 т. р., персіяне 14 человекъ 4 т. руб.,

индѣйцы (13 чел.) 10,750 руб., хивинцы тысячу руб., бухарцы и гилянцы 1500 руб.

Кромѣ внесенныхъ въ Казенную палату наличными деньгами 83,570 руб., калмыцкіе улусы доставили еще въ Астрахань 1,080 лошадей, на сумму 55,900 р. и 400 головъ крупнаго рогатаго скота; по оцѣнкѣ на 8 т. руб. Татары Кондуровскіе (Красноярскаго уѣзда) привели 430 лошадей, стоимостью 25,900 руб. Изъ числа послѣднихъ было отобрано въ артиллерію и отправлено въ Нижній Новгородъ 250 головъ. Остальныхъ лошадей и скотъ, по Высочайшему повелѣнію отъ 22 Января 1813 года, возвратили калмыкамъ и татарамъ. Однако послѣдніе рѣшили уплатить за нихъ казнѣ 5 тыс. руб.

Помимо того изъ 360 пуд. пожертвованнаго астраханскими купцами желѣза было изготовлено 3 тыс. копій. Такимъ образомъ, въ теченіе 1812 и 1813 гг. разноплеменная Астраханская губернія собрала на нужды войны свыше 450 тыс. руб.

Мало этого, богатые районы Тундусовъ и Тюмень сформировали на свой счетъ два калмыцкихъ конныхъ полка.

Общее горе соединило всѣхъ въ единодушномъ порывѣ избавить родину отъ дерзко набросившагося на нее врага. Но особенно тяжело отзывалась эта скорбь народная въ глухой провинціи, куда извѣстія съ театра войны доходили иногда черезъ 2—3 мѣсяца и при томъ въ искаженномъ видѣ, одно другого печальнѣе. Народъ безпокоился, волновался. Въ каждомъ иностранцѣ европейскаго происхожденія и даже въ Русскихъ подданныхъ съ иноземными фамиліями простой людъ видѣлъ шпионовъ и черебѣжчиковъ. Доходившіе туда о военныхъ дѣйствіяхъ слухи, писалъ губернаторъ Андреевскій¹⁾ въ циркулярѣ отъ 19 Сентября 1812 года, городничимъ и земскимъ исправникамъ, — „переходя отъ одного къ другому. по мѣрѣ познанія и благомыслія жителей, дѣлали въ нихъ разныя сужденія и давали поводъ имѣть заключенія, самыя невыгодныя для Россіи, особенно же черни, слѣдующей во всякомъ почти случаѣ множеству слуховъ, а не по истинѣ.“²⁾

Для спокойствія населенія, чтобы избѣжать волненій народныхъ, были сдѣланы распоряженія объ усиленіи „неусыпнаго“ надзора за

1) Степанъ Семеновичъ, дѣйст. ст. совѣт., съ 1812 по 1818 годъ.

2) Дѣло Астрахан. губер. архива за 1812 г., № 24.

проживающими въ городахъ иностранцами и за такими людьми, „кои суть развратнаго поведенія и не имѣютъ своего пристанища,“ съ назначеніемъ въ Астрахани ночныхъ обходовъ и разъѣздовъ изъ казаковъ Астраханскаго полка. Въ прочихъ же городскихъ поселеніяхъ, гдѣ не было казаковъ, въ помощь полиціи для той же цѣли были отряжены солдаты мѣстныхъ инвалидныхъ командъ. Кромѣ того, мѣстное начальство старалось всѣми способами распространить въ народѣ болѣе утѣшительныя свѣдѣнія о непріятельскихъ дѣйствіяхъ и объ успѣхахъ Русскаго оружія, основывая ихъ на официальныхъ данныхъ, попадавшихъ въ Астрахань, однако, не изъ первыхъ источниковъ и при томъ окольнымъ путемъ.

Первое такое извѣстіе было доставлено астраханскому губернатору 2 Октября 1812 г. Черноярскимъ исправникомъ, который получилъ „новости“ изъ Царицына. Одна изъ присланныхъ копій была названа „воззваніемъ“ князя Голеніщева-Кутузова къ Московскому гражданству о бородинскомъ боѣ и пораженіи противника, Наполеона; другая выдавалась за письмо генераль-маіора Дохтурова, неизвѣстно кому адресованное и когда полученное въ Тамбовѣ изъ Рязани. Въ первой говорилось москвичамъ:

„Любезные друзья! Божія помощь вашими молитвами помогла мнѣ попрасть нашего общаго врага. Сообщая о семъ, черезъ сіе радость вамъ, и съ вами вмѣстѣ всей Россіи, я 27 числа сдѣлалъ съ непріателемъ сраженіе, кое рѣшило судьбу его 29 Августа, — въ продолженіе коего непріатель потерялъ большую часть своей арміи, простирающейся до 100 тысячъ, — убитыми да ранеными 30 тыс., кои на послѣдокъ намъ же достались. Въ плѣнъ взято Багратионовской арміей 15 тыс., да Новой арміей — 18,900. Непріателя наши храбрыя войска прогнали далеко. Теперь стоимъ въ крѣпости Смоленскѣ. —

„Друзи! Москва вить (вѣдь) въ безопасности! Тормасовъ и Чичаговъ со своими арміями скоро придутъ, — непріатель у насъ будетъ среди огней. Торжествуй, Россія! Богъ съ тобою!..“

Письмо, приписываемое Дохтурову, еще большимъ дышетъ энтузіазмомъ и ненавистью къ узурпатору, успокаивая населеніе. „Французскія войска, — говорилось въ немъ, — оставивши Москву, пошли въ правую сторону и, отошедши нѣсколько верстъ, поворотили назадъ къ Москвѣ. На боровскомъ перевозѣ было страшное сраженіе, и наша артиллерія выиграла — побилъ несмѣтное число французской арміи, и за 80 верстъ

гнала его. На 10 верстахъ отъ Боровска атаманъ Платовъ, отряженный съ 50 тысячъ казаковъ, пресѣкъ ему путь. Войска же нашего вездѣ многое множество—около Москвы, въ Калугѣ, Тулѣ, Коломнѣ и Рязани,—окружили непріятеля со всѣхъ сторонъ, ищутъ удобнаго случая сразиться съ нимъ и наказать алчность его.

„Молитесь Богу! Войска наши единодушно всё рвутся и дерутся съ непріятелемъ, какъ львы. А во Франціи открылся бунтъ и возвели уже англичане другого короля (?). Теперь онъ (т. е. непріятель) здѣсь мечется, какъ бѣшеная собака или волкъ. Можетъ быть, и радъ бы изъ Россіи выйти, но не пускаютъ, заставляютъ погостить и покушать Русскаго хлѣба. Вѣрьте тому, что его уже изъ Россіи не выпускаютъ, хотя онъ много нашего хлѣба поѣлъ! Но что же дѣлать? Хозяинъ долженъ подчивать гостя до сыта и положить на постелю, чтобы онъ былъ покоенъ на мѣстѣ злости. Богъ помощникъ намъ!“...

Мѣсяцъ спустя, было прислано Андреевскому письмо Тамбовскимъ губернаторомъ Ниловымъ (помѣченное 5-мъ Ноября), въ которомъ послѣдній увѣдомлялъ о полученіи имъ письма отъ Тульскаго гражданскаго губернатора отъ 25 Октября“, касательно военныхъ дѣйствій: „непріятель совсѣмъ удалился отъ Тульской и Калужской губерній. послѣ сраженія подъ Малымъ Ярославцемъ и Медынью, гдѣ онъ много потерпѣлъ, и отбито у него болѣе 40 пушекъ. Теперь онъ слѣдуетъ форсированными маршами къ Смоленску. Но генералъ Платовъ беретъ много въ плѣнъ и орудія отбиваетъ; обозы у него истребляетъ до того, что непріятель ящики свои съ зарядами самъ жжетъ. Главная наша квартира—подъ Вязмою, и скоро будетъ въ Вязьмѣ.—Оберъ-полицеймейстеръ Ивашкинъ находится въ Москвѣ со всею полиціей. Посты опять предписано учредить въ Москвѣ.“

„На сихъ дняхъ,—пишетъ далѣе Ниловъ,—я получилъ изъ арміи отъ 23 Октября хотя частное, но достовѣрное извѣстіе, что непріятель стремительно бѣжитъ, не оглядываясь. Авангардъ нашъ, подъ командой генерала Милорадовича, преслѣдуетъ его. Генералъ Платовъ нагналъ непріятеля подъ Царевымъ-Займищемъ. отнялъ у него 20 пушекъ и 2 знамя. 22-го Октября авангардъ нашъ достигъ непріятеля подъ Вязмою, разбилъ его и прогналъ за Вязьму болѣе 30 верстъ. Въ семь дѣлъ отбито у него болѣе 20 пушекъ и много снарядовъ; 2,500 человекъ взято въ плѣнъ, въ томъ числѣ одинъ генералъ и 15 офицеровъ: на мѣстѣ положено 5,000 человекъ. Графъ Видгенштейнъ 8-го Октября возвратилъ штурмомъ Полоцкъ, взялъ множество знаменъ. въ плѣнъ до

3 тыс. человекъ, и болѣе того еще побилъ. Графъ Орловъ-Денисовъ съ большимъ отрядомъ напалъ на самого Наполеона. Войска наши въ большомъ духѣ и въ полномъ увѣреніи, что злодѣй не уйдетъ.“

Надо ли добавлять, что такія вѣсти, независимо отъ ихъ точности, вливали живительный бальзамъ безпредѣльной радости въ сердца всѣхъ Русскихъ подданныхъ, безъ различія національностей. Многіе плакали отъ полноты чувствъ и цѣловались другъ съ другомъ, какъ въ Свѣтлый праздникъ.

На сообщеніе Нилова Андреевскій отправилъ (21 Ноября) копию съ полученнаго имъ отъ ген.-лейтенанта Ртищева не менѣе одного радостнаго увѣдомленія, что „Россійскія войска разбили совершенно персидскую армію, истребивъ всю артиллерію и тѣмъ ознаменовали себя новою славой“...

II. Пльнные поляки въ Астраханскомъ краѣ.

По мѣрѣ отступленія деморализованной арміи Наполеона изъ Москвы, количество отсталыхъ и плнныхъ, благодаря успѣшному дѣйствию нашихъ войскъ, все болѣе увеличивалось. Чтобы съ одной стороны не отягчать новыми постоями жителей центральныхъ губерній, и безъ того сильно изнуренныхъ воинскими повинностями, а съ другой,—дабы захваченные плнники не могли причинить какого либо вреда нашимъ наступательнымъ дѣйствіямъ,—ихъ нарочито отправляли въ отдаленныя восточныя и южныя области, сравнительно мало пострадавшія отъ бѣдствій войны.

Въ глухую Астрахань присылка ихъ началась еще въ Октябрѣ 1813 года. Первая партія, въ числѣ 289 человекъ была доставлена изъ Тамбова. Среди нихъ оказался бригадный генераль-инспекторъ артиллеріи „польскихъ войскъ“ баронъ Жанъ Пеллетье, кавалерійской бригады генераль 5-го польскаго корпуса графъ Тадеумъ Тышкевичъ. (уроженецъ мѣстечка Понемони, Ломжинскаго департамента, владѣвшій дер. Бельберишки); корпуса Понятовскаго подполковникъ Жеваль. корпуса Даву подполковникъ Мишель Мюратъ и 3-го кавалерійскаго корпуса „вице-короля“ поручикъ графъ Де-Люрь-Салюсъ (родомъ изъ Бордо).

Къ 1 Августа 1813 года въ Астраханской губерніи сосредоточилось 60 офицеровъ, 1233 нижнихъ чина, 17 жевъ и 14 дѣтей. изъ

коихъ на долю польскихъ военноплѣнныхъ приходилось 11 офицеровъ, 1085 солдатъ, 10 женщинъ и всѣ дѣти.

Къ сожалѣнію, переписки Астраханскаго архива даютъ весьма скудныя о нихъ свѣдѣнія. Изъ числа офицеровъ французскихъ войскъ, кромѣ указанныхъ, упоминаются только полковникъ Жозефъ Геселе, капитаны Людвигъ Берзетти и Корнель-Антуанъ Форденотенъ и поручики Девингъ и Викторъ Друэль. Изъ поляковъ показаны: неизвѣстно какого полка капитанъ Скавронскій, подполковникъ 3-го уланскаго полка изъ 4-го польскаго корпуса Жанъ Суминскій (изъ г. Таруни, Бедговскаго департ., владѣлецъ дер. Осно), шт.-хирургъ того же полка Владиславъ Бургони (урож. мѣст. Масти-Брады, Сѣдлецк. депар.). шт.-хирургъ 11-го уланскаго полка 2-го французскаго корпуса Андрей Вансовичъ изъ г. Познани, гдѣ у него былъ свой домъ, и Людвигъ Монтрезоръ. урож. с. Казинь, Богуславск. повѣта, Кіевской губерніи.

По словамъ польскихъ солдатъ, ихъ насильно вербовали въ полки паны и офицеры. Кто не шелъ, того подвергали тяжкимъ наказаніямъ: у скрывавшихся отъ набора отбирали имущество; бѣглецовъ розыскивали по лѣсамъ особо назначенныя команды, захватывали и принуждали идти на войну съ Россіей. И не только въ департаментахъ герцогства Варшавскаго, но даже въ пограничныхъ Русскихъ губерніяхъ забирали они для этой цѣли поляковъ, бѣлоруссовъ и малороссовъ.

Часть прибывшихъ въ Астрахань плѣнныхъ—2 француза и 381 поляковъ—были зачислены на пополненіе комитета мѣстнаго артиллерійскаго гарнизона. Всѣ же остальные поляки, за исключеніемъ офицеровъ, по распоряженію министра полиціи ген.-адъют. Вязьмитинова, были отправлены въ г. Георгіевскъ съ распределеніемъ по тамошнимъ крѣпостямъ, гдѣ ощущался сильный недостатокъ какъ въ мастеровыхъ, такъ и въ служивыхъ людяхъ для защиты передовой Кавказской линіи отъ набѣговъ горцевъ. Плѣнныхъ этихъ, кромѣ того, наряжали на крѣпостныя работы, для устройства оросительныхъ каналовъ, запрудъ и плотинъ отъ постоянно дѣлавшаго прорывы быстротечнаго Терека.

Прочихъ же плѣнныхъ—французовъ, испанцевъ, итальянцевъ, ганноверцевъ, саксонцевъ и другихъ, разсортировали по уѣзднымъ городамъ и большимъ селеніямъ Астраханской губерніи, гдѣ, при тогдашней дешевизнѣ предметовъ первой необходимости, жилось имъ недурно, такъ какъ, по постановленію комитета министровъ, женамъ военно-плѣнныхъ выдавались одинаковыя съ ихъ мужьями порціонныя деньги:

штабъ-офицерамъ по 1 р. 50 к., оберъ-офицецамъ и медицинскимъ чиновникамъ по 50 к. и солдатамъ по 5 коп. въ сутки.

Нѣкоторые успѣли найти себѣ заработокъ и выгодно пристроиться на службу къ своимъ соотечественникамъ, издавна пріютившимся въ гостепримной Россіи, иные даже поженились, но были и такіе, которые, за неимѣніемъ лучшаго, промышляли воровствомъ, пьянствовали, безобразничали. Въ перепискахъ астраханскихъ сохранилось указаніе, что одинъ изъ плѣнныхъ поляковъ, по фамиліи Григоровичъ, укралъ у пятидесятника Астраханскаго казачьяго полка Дадашева нѣсколько серебрянныхъ вещей. А въ Іюль 1814 года былъ такой случай.

Жившій въ с. Карантинномъ (въ 6 верс. отъ Астрахани) рядовой Филиппъ Сюгеръ, хвативши изрядно горячаго вина, сталъ требовать отъ квартирной хозяйки, кромѣ опредѣленнаго довольствія, еще сметаны, молока, яицъ, цыплятъ и проч. Та отказала исполнить его требованіе. Въ перебранку ихъ вмѣшался бывшій на ту пору въ себѣ засѣдатель земскаго суда Замбовскій, но французъ развернулся и ударилъ его по щекѣ. Тогда засѣдатель приказалъ „запереть его въ колоду.“ На шумъ сбѣжались прочіе плѣнные. Одинъ изъ нихъ, Лозень Пискорнъ, схватилъ Замбовскаго за волосы, повалилъ на землю и началъ наносить удары. Сбѣжавшіеся крестьяне насилу освободили окровавленнаго засѣдателя изъ рукъ развирѣпѣвшаго француза. Конечно, виновные были схвачены и ихъ всѣхъ подъ крѣпкимъ карауломъ отправили въ Астрахань для преданія военному суду.

Лучше другихъ жилось въ плѣну польскимъ офицерамъ. Начальство за ними ухаживало. Жители оказывали имъ вниманіе и предупредительность. Черезъ знакомыхъ, они свободно переписывались съ родными, которые снабжали ихъ одеждой и деньгами. Напримѣръ, за время пребыванія въ плѣну по 6 Апрѣля 1814 года было посланы Монтрезору его дядей изъ Кіева сто руб., Скавронскому 300 руб., родственники графа Тышкевича перевели въ Астрахань чрезъ Варшавскую банковую промѣнную контору 1800 руб.

Многимъ плѣннымъ такъ понравилась жизнь въ Россіи, что они пожелали остаться въ ней навсегда. Въ 1816 году изъ числа сосланныхъ въ Астраханскую губернію приняли Русское подданство французы: Жозефъ-Луи-Вариди, Жанъ Роберъ, Жерардъ Гофманъ и Пьеръ Нейманъ, ганноверецъ Петръ Гонъ, итальянцы Францъ Аргини и Пьеръ Дени и 19 поляковъ.

Въ свою очередь и отправленные на Кавказъ поляки отказались возвратиться въ свое „любезное“ отечество. По окончаніи войны, въ томъ же 1816 году, болѣе 200 человекъ ихъ было зачислено въ Хоперскій казачій полкъ, расположенный близъ г. Ставрополя въ четырехъ станицахъ Донской, Московской, Сѣверной и Александровской.¹⁾ Часть осталась жить въ г. Георгіевскѣ. Другіе перечислились въ казаки Волжскаго и Моздокскаго полковъ, вошедшихъ потомъ въ составъ Терскаго казачьяго войска. И до сихъ поръ еще, какъ въ послѣднемъ, такъ и въ Кубанскомъ войскѣ, среди казаковъ сохранились многія польскія фамиліи.

III. Астраханскіе калмыки въ войнѣ 1812 года.²⁾

Воинственные замыслы Наполеона, обрушившагося въ Августѣ 1806 года на Пруссію, вызвали со стороны Русскаго правительства заботу объ усиленіи арміи инородческими полками. По Высочайшему манифесту 30 Ноября 1806 г. главный приставъ калмыцкаго народа полковникъ Ахвердовъ разослалъ владѣльцамъ приглашеніе собраться къ 20 Января на станцію Шуралинскую для совѣщанія по поводу полученнаго отъ главнокомандующаго на Кавказской линіи и въ Грузіи графа И. В. Гудовича циркуляра касательно сбора на войну не менѣе десяти пятисотенныхъ калмыцкихъ командъ. Несмотря на разные со стороны враждовавшихъ между собою нойоновъ увертки, къ концу Марта удалось собрать съ улусовъ четырехъ родовъ 5196 калмыковъ, въ числѣ коихъ было 5 владѣльцевъ и 52 зайсанга (старшины). Почти всѣ они были „о-дву-конь“, имѣя на каждыя десять человекъ по одному вьючному верблюду. Вооруженіе ихъ состояло у однихъ только изъ сабель и пикъ, нѣкоторые имѣли ружья, были и совсѣмъ невооруженные.

Отрядамъ приказано было слѣдовать со сборнаго пункта отъ урочища Амта-Джурукъ на Донъ къ пристани Подпольной, гдѣ изъ нихъ было сформировано 10-ть полковъ и одна пятисотная команда туркменовъ, всѣ подъ начальствомъ донскихъ казачьихъ штабъ-офицеровъ. Отсюда они должны были выступить на соединеніе съ арміей въ Курскую и Орловскую губерніи.

¹⁾ Послѣ раздѣленія сѣвер. Кавказа на двѣ области: Кубанскую и Терскую, Хоперскій полкъ вошелъ въ составъ Кубанскаго казачьяго войска.

²⁾ Изъ дѣлъ Астрах. губер. архива и управленія калмыц. народомъ.

Но едва только успѣли Калмыки дойти туда, какъ въ Юнѣ 1807 г. былъ заключенъ Тильзитскій миръ, и полки ихъ пришлось вернуть на родину.

Не прошло, однако, и четырехъ лѣтъ послѣ того, — снова на западномъ горизонтѣ появились зловѣщія тучи. Наполеонъ подвигался къ Россіи. Новая война требовала еще большаго напряженія силъ нашего Отечества для отраженія непріятельскихъ полчищъ. На ряду съ другими инородцами, Высочайшимъ указомъ 7 Апрѣля 1811 года было предписано кавказскому главнокомандующему ген.-лейт. Ртищеву сформировать два полка пятисотеннаго состава и изъ калмыковъ, обитающихъ въ губерніяхъ Астраханской, Саратовской и Кавказской и области Донской.¹⁾ На этотъ разъ главному приставу этого народа Халчинскому рекомендовано набрать туземцевъ изъ Хотоутовскаго, Чученевскаго и Эрденевскаго родовъ, какъ заявившихъ себя съ хорошей стороны въ призывѣ 1807 года.

Снарядить ихъ взялись владѣлецъ Хотоутовскаго улуса Сердежанъ Тюмень и братъ Дербетевскаго владѣльца тайша²⁾ Джамбо Тундатовъ. Оружіе и обмундированіе они должны были имѣть „по ихъ обыкновенію,“ но каждый выступивъ въ походъ „дву-конь.“ Сборнымъ пунктомъ имъ назначили станицу Пятизбрянскую на Дону, гдѣ ихъ принимали подъ свою команду штабъ-офицеры, назначенные изъ регулярныхъ частей.

Въ Августѣ выступили полки изъ своихъ улусовъ черезъ г. Царицынъ, имѣя почти одинаковые составы: по 1 командиру полка (коиими были сами владѣльцы), по пяти есауловъ, сотниковъ, хорунжихъ и пятидесятниковъ; по 1 писарю и переводчику и 480 нижнихъ чиновъ. Разница была лишь въ томъ, что въ полку Тундатова № 1 находилось еще пять зайсанговъ, лошадей было 1006, вооруженіе состояло изъ 268 ружей, 137 сабель и 445 пикъ; полкъ Тюменя № 2 имѣлъ одного зайсанга, 25 сверхкомплектныхъ калмыковъ на содержаніи самаго владѣльца въ видѣ его конвоя, помимо собственной его прислуги 9 человекъ, 1 лѣваря, гелюнга и гецюля.³⁾ Коней было 1100, ружей 490, сабель 139 и пикъ 291. Къ нимъ въ качествѣ инструкторовъ были прикомандированы: 10 урядниковъ и 20 казаковъ Астра-

1) См. Русскій Архивъ, 1913, I, 112.

2) Тайша — значить рядовой начальникъ, собственно, князь.

3) Гелюнгъ — жрецъ, священникъ ламаитскій; гецюль прислужникъ, въ родѣ дякона.

ханскаго коннаго полка и трое добровольцевъ изъ астраханскихъ купцовъ.

Полки имѣли свои старинныя знамена и значки. У Тюменя—желтое шелковое съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ знамени ламайтскаго святаго „*Дичи Тенры*“, покровителя войны и воиновъ и помощника въ побѣдахъ, съ разными птицами и животными вокругъ него. Древяно знамени было 2¹/₂ саж. длины; верхушка оканчивалась золоченымъ наконечникомъ, а низъ до самаго конца украшался шелковыми разноцвѣтными кистями изъ лентъ съ краснымъ шнуромъ.

Изъ Пятизбжанской полки выступили въ армію. По прибытіи въ г. Луцкъ, ихъ осматривалъ генералъ отъ кавалеріи князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ. Послѣдному не понравилось разношерстное ихъ обмундированіе и онъ предложилъ Тюменю одѣть калмыковъ въ форму Донскихъ казаковъ, обѣщая выхлопотать ему на это отъ казны 15 тыс. руб. пособія. Но тайша отъ помощи отказался и на свой счетъ переодѣлъ полкъ.*) Какъ доносилъ онъ потомъ главному приставу, все снаряженіе его стоило ему 96,900 руб. ассигнаціями.

Полкъ № 1 началъ военныя дѣйствія съ 8 Августа 1812 г. и продолжалъ до конца войны 1814 года. За отличіе въ бою при блокадѣ крѣпости Модлина командиръ его Тандутовъ получилъ золотую саблю съ надписью „за храбрость“; одинъ изъ зайсанговъ-есаулъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени, другой изъ сотниковъ произведенъ въ есаулы.

Полкъ Тюмени (№ 2) участвовалъ съ 18 Іюля 1812 г. при разбитіи подъ Пружанами саксонскаго драгунскаго эскадрона; все время заграничнаго похода до Парижа и Фонтенебло слѣдовалъ онъ въ авангардѣ Русскихъ войскъ. окончивъ хронику своихъ боевыхъ дѣйствій

*) Между тѣмъ въ изданной предсѣдателемъ Ставропольск. учен. архив. комиссін г. Прозрителевымъ брошюрѣ объ участіи калмыковъ въ войнѣ 1812 г. указано, что калмыки были облечены въ черкески. Смѣемъ увѣрить почтеннаго автора, что они никогда черкесокъ не носили. Да и среди кавказскихъ казаковъ послѣдняя, какъ форменная одежда, была принята лишь съ 1828 года.—Кстати будетъ упомянуть о другой неточности того же автора. По его словамъ, кромѣ калмыковъ астраханскихъ, участвовалъ на войнѣ еще полкъ изъ калмыковъ Ставропольской губерніи. На самомъ дѣлѣ послѣдней въ то время еще не существовало. Ставропольск. полкъ былъ сформированъ изъ „крещеныхъ“ калмыковъ *Ставропольскаго* коннаго войска, находившагося по лѣвой сторонѣ р. Волги, около г. Ставрополя (нынѣ Самарск. губер.).

24 Марта 1814 г. въ сраженіи у мѣстечка Лефертъ съ разгромленными остатками наполеоновской арміи.

1 Апрѣля ему приказано было повернуть въ предѣлы Россіи. На родину возвратился онъ 20 Ноября того же года въ составѣ 15 офицеровъ и 340 нижнихъ чиновъ. Остальные легли на поляхъ Европы, да въ Парижскомъ госпиталѣ лѣчились отъ ранъ шесть калмыковъ. Изъ полка же Тундутова, прибывшаго въ свои улусы 15 Января 1815 г., сбереглись 12 офицеровъ и 373 рядовыхъ.

За этотъ походъ капитанъ Тюмень получилъ: майора и подполковника, золотое оружіе, золотые часы и ордена: свв. Анны 2 ст., Георгія 4 ст. (за сраженіе подъ Лейпцигомъ, гдѣ имъ были захвачены двѣ непріятельскія пушки), Владиміра 4 ст. съ бантомъ и прусскій— Пуръ-ле-мерить.

По прибытіи полка въ свой улусъ, калмыцкое духовенство совершило торжественное богослуженіе предъ полковымъ знаменемъ, которое потомъ было перенесено на храненіе въ главное капище (хурулъ) Хотоутовскаго улуса „Сюме,“ гдѣ оно, повидимому, бережется и до сего времени.

IV. Наполеонъ и казаки.

Успѣшныя дѣйствія казаковъ въ нынѣшнюю войну съ австріяками и германцами уже вызвали на страницахъ повременной печати рядъ восторженныхъ отзывовъ объ ихъ лихости, отвагѣ, хитрости военной и неустрашимости. Что называется, заговорили о казакахъ снова, находя ихъ войсками въ войнѣ незамѣнимыми. А между тѣмъ еще такъ недавно, тѣ же газеты признавали существованіе казаковъ совершенно излишнимъ для государства, какъ воинства уже отжившаго свой вѣкъ, совершившаго свою миссію и излишняго въ нынѣшнее культурное время. Многіе считали ихъ „пережиткамъ старины“, „анахронизмомъ.“ Однако европейцы, а особенно наши враги—нѣмцы, были иного о нихъ мнѣнія. И не разъ среди лучшихъ военныхъ людей просвѣщеннаго запада возникали мысли создать у себя что либо подобное лихому Русскому казачеству.

Первымъ оцѣнилъ ихъ боевыя достоинства геніальный Наполеонъ, который уговорилъ въ 1801 году императора Павла отрядить нѣсколько донскихъ полковъ въ Индію „для уязвленія Англіи.“ Однако, затѣя

эта не удалась. Казаки успѣли дойти до г. Вольска нынѣшней Саратовской губерніи, когда было получено извѣстіе о кончинѣ императора и о возвращеніи ихъ на родину.

Лѣтъ шесть спустя Наполеону снова пришлось встрѣтиться съ казаками на поляхъ Аустерлица, но уже не въ качествѣ соратниковъ, а какъ враговъ своихъ. Онъ восторгался ихъ лихостью и, какъ рассказываютъ современники, рѣшили организовать такое же смѣлое войско у себя въ Франціи. По этому поводу среди казаковъ распространѣнъ такой анекдотъ.

Когда во время Тильзитскаго свиданья, Императоръ Александръ представлялъ ему своихъ генераловъ, великій полководецъ обратился къ донскому атаману Платову.

—*Mon cher gèneral*,—сказалъ онъ ему,—я очарованъ вашими казаками и желалъ бы имѣть такихъ воякъ въ своей арміи. Скажите пожалуйста: какъ сдѣлать, чтобы сформировать мнѣ хотя тысячь 20-тъ казаковъ?

—Ваше величество,—не сморгнувъ глазомъ, отвѣтилъ храбрый атаманъ,—пришлите на Донъ 20 тысячь молоденькихъ француженокъ и черезъ 20 лѣтъ вы получите 20 тыс. казаковъ!...

Смыслъ этого отвѣта, кажется, ясенъ: казака нельзя создать искусственно—ему надо родиться такимъ, чтобы быть такимъ, сжиться, сплотиться, съ казачьей общиной, проникнуться ея духомъ, ея стремленіями, ея идеалами...

Наступилъ тягостный для Россіи 1812 годъ. Французамъ опять пришлось столкнуться съ своими лихими противниками, которые дерзкими набѣгами наносили чувствительные удары ихъ передовымъ отрядамъ, а особенно арріергарамъ и обозамъ.

Какъ передавалъ мнѣ покойный издатель Русскаго Архива П. И. Бартеневъ. сохранилось письменное извѣстіе, что наканунѣ вступленія французскихъ войскъ въ Москву, Наполеонъ присылалъ къ атаману Платову курьера съ предложеніемъ не помогать русскимъ, а присоединиться къ его арміи, обѣщая за то казакамъ деньги, почести и славу.

Очевидно, припоминая времена смутныя, онъ рассчитывалъ соблазнить казаковъ богатой добычей. Но жестоко ошибся гениальный

полководецъ! Если въ былые годы казаки и являлись не совѣтъ спокойными сосѣдями Русскихъ поселеній и, разгуливая по Волгѣ и Каспійскому и Черному морямъ, громили торговые караваны; однако въ минуту всеобщей опасности, въ трудную годину бѣдствій, они всегда шли первыми на защиту родины своей, Царя Бѣлаго, Руси-матушки и вѣры православной! Ничего обиднѣе не было для нихъ въ войнѣ 1812 года, какъ поруганіе святынь, которое допустилъ творить своимъ солдатамъ Наполеонъ.

Когда непріятель вступилъ въ предѣлы Русскаго государства и съ высоты трона раздался (6 Юня 1812 г.) призывной кличъ Царя, казаки, какъ одинъ человекъ, отъ малаго до стараго, схватились за прапрадѣдовское оружіе. И потекли, какъ быстрый горный потокъ, вольные сыны степей биться съ общимъ врагомъ. Донцы, Бугцы, Оренбуржцы, Тептяри, Черноморцы, Уральцы, Украинцы и Малоросійскіе казаки (Полтавск. и Черниговск. губерній) съ башкирскими, калмыцкими и татарскими (изъ Крыма) полками доставили къ концу Сентября на театръ войны свыше 80 тысячъ вооруженныхъ всадниковъ.

Могли ли бороться съ такими силами разстроенные московскимъ сидѣніемъ разноплеменные корпуса Наполеоновскихъ войскъ.

— „Движеніе французской арміи было замедлено казаками, — пишетъ въ своихъ запискахъ генераль Моранъ. — Отрѣзавъ ее отъ всякой помощи, они безпрестанно съ остервенѣніемъ нападали на ея фланги, подобно разсвирѣпѣвшимъ пчеламъ, безчисленные уколы которыхъ замучиваютъ и обезсиливаютъ льва“...

И не только у себя въ Россіи, но даже въ предѣлахъ Франціи, гдѣ тамошнимъ солдатамъ были знакомы окружающія мѣстности, по которымъ наступали союзныя войска, — казаки сумѣли, все же, окружить армію великаго полководца непроницаемою сѣтью дозоровъ.

По словамъ кавалерійскаго генерала наполеоновскихъ войскъ Ле-Валетта, „они были оружіемъ, которое дѣлало войну чрезвычайно опасной, въ особенности для офицеровъ генеральнаго штаба, отправляемыхъ на рекогносцировки. Многіе изъ нихъ предпочитали доставлять свои рапорты, основывая ихъ на показаніяхъ крестьянъ, чѣмъ подвергаться вдали нападеніямъ казаковъ.“ Одно слово „казаки“ наводило ужасъ, какъ на офицеровъ, такъ и на французскихъ солдатъ. „Поэтому Наполеонъ уже не могъ знать истины. Геній Императора парализуется дѣятельностію казаковъ“!...

— „Развѣ этотъ фактъ ничего не значить“?—спрашиваетъ въ своемъ сочиненіи: „Аванпосты легкой кавалеріи“ генераль Де-Бракъ.

Несомнѣнно, онъ много значить, подтверждая лишній разъ, что казаковъ нельзя замѣнить никакимъ другимъ воинствомъ и въ вѣка послѣдующіе, пока живетъ и здравствуетъ Россійское государство!...

По словамъ этого французскаго генерала,—они являются „лучшей легкой кавалеріей въ Европѣ, вполне достигшей цѣли своего назначенія. Имъ свойственны инстинкты волка и лисицы; они привычны къ войнѣ и отличаются крѣпостью тѣла, а лошади ихъ чрезвычайно выносливы“...

„Эти конные наряды,—говоритъ Моранъ,—не знаютъ ни правильныхъ подраздѣленій на части, ни равенія, ни столь высоко цѣнимаго порядка и стройности. Ъздаютъ они прижавъ колѣни къ лошади, а ногами упираются въ широкія стремяна, служація имъ опорой при употребленіи въ дѣло оружія, такъ что могутъ наклонять свой корпусъ впередъ для нанесенія удара, и отмахиваться назадъ для избѣжанія послѣдняго. Лошади ихъ, пріѣзжанныя такимъ образомъ, усугубляютъ ихъ ловкость и какъ бы составляютъ съ ними одно цѣлое. Люди эти постоянно бодрствуютъ, двигаются съ замѣчательной быстротой, имѣютъ весьма ограниченныя потребности, а въ умахъ ихъ зарождаются однѣ лишь воинственныя мысли“...

Не даромъ же нѣмцы теперь боятся такъ казаковъ, а ихъ военачальники не придумали ничего лучшаго, какъ распространить среди своихъ солдатъ и населенія чудовищные о ихъ дѣйствіяхъ рассказы, чѣмъ только болѣе усилили общую панику, способствуя къ пораженію своихъ же отрядовъ.

П. Л. Юдинъ.

